

На правах рукописи

ЗОРИНА Лариса Владимировна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТЕЛЕСНОСТИ:
ОТ АРХАИКИ К СОВРЕМЕННОЙ
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ**

**Специальность: 24.00.01 — теория и история культуры
(философские науки)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

005062085

Тюмень
2013

20 12 2013

Работа выполнена на кафедре культурологии и дизайна ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный Университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет путей
сообщения», заведующая кафедрой философии и истории
Коркунова Ольга Владимировна
кандидат философских наук,
ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», заведующий кафедрой
философии и управления образованием
Шарапов Александр Иванович

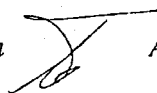
Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Уральский
государственный
экономический университет»**

Защита состоится 26 июня 2013 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» (625003, Тюмень, ул. Республики, д. 9, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан «25» мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

А.И. Павловский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность исследования. Постановка проблемы телесности вызвана многими факторами, характерными для развития европейской культуры начиная с Нового времени. Это развитие позитивизма, отказ философии от «метафизики», поворот ее к сугубо научным принципам познания, которые направлены на изучение и улучшение качества жизни человека.

Обоснование З. Фрейдом теории либидо, дальнейшее развитие и углубление ее в трудах К. Г. Юнга, В. Райха, Г. Маркузе, Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Тело — оплот и условие человеческого опыта жизни. Своим производным оно имеет телесность, то есть, определенную модель бытия. Здесь возникает и проблема либидо, неиссякаемой энергии органической жизни, которая задает интенсивность переживания. Энергия либидо трансформируется, не находя выхода в привычных устоявшихся формах. Современный человек стремится активно освоить области бытия, долгое время считавшиеся запретными и «неестественными» с точки зрения «цивилизованного» человека. Таким образом, расширяется пространство культуры — создается новая «цивилизация», которая по-новому претворяет естественное в искусственное. Желание постичь опыт, невозможный в обыденной жизни, имеет следствием стремление к раскрытию и познанию индивидуальных чувственных возможностей. Результатом является возникновение новых телесных практик. В XX веке возникает ряд исследований, где телесность как основание культуры осмысливается заново. Смысл человеческого мира — изобретение, конструирование модусов бытия. В человеческом воображении коренятся чувство, разум и рассудок. Этим и обусловлен выход за пределы привычного и данного. Мир человека творится лишь чувственно, т. к. человек эмоционален.

Другим важным фактом, который обусловил актуальность проблем телесности за последние 50 лет, является изменение социальной структуры общества в странах Европы. Менялся состав граждан, активно участвующих в сфере производства и общественной жизни. Причиной здесь послужила Вторая Мировая война. Большое количество женщин, которые заняли рабочие места воюющих мужчин, после окончания войны отказались возвращаться к роли домохозяек. Это повлекло возникновение новых социальных вопросов, связанных с медициной, социальной защитой, охраной труда.

Появляются новые отрасли производства, расширяется сфера услуг, поскольку женщины привнесли свой взгляд на проблемы качества жизни: разработка новых средств гигиены, видов одежды, более удобной мебели. Феминизация культуры ведет к ее «отелеснению», общей демократизации, смягчению гендерных стереотипов.

Вещественная среда постепенно утрачивает репрессивность по отношению к человеческому телу. Скорее тело диктует свои права, приспособляя под себя среду, как вещьественную, так и социальную. Параллельно с этим по-новому ставятся вопросы взаимоотношения полов, воспитания и социализации молодежи.

Важным фактором явилась также «сексуальная революция» 1960-х годов. Обостряется проблема человека как субъекта, «подавляемого» миром, который был создан им самим для защиты от природной стихии и неконтролируемых естественных импульсов. Поэтому поиск гармонии человека с окружающей средой (природной и искусственной) еще больше актуализирует изучение вопросов телесности. В связи с этим возникают исследования в области психотерапии, психосоматики, танатотерапии.

Но для того, чтобы оценить новизну современных подходов, необходимо проследить процесс осознания сущности человеческого тела на протяжении развития европейской культуры.

Современное общество характеризуется множеством парадигм для решения проблем, связанных с человеческой телесностью. Источником новых техник является контркультура и молодежные субкультуры. Но здесь прослеживается также родство с техниками тела, входящими в состав некоторых религиозных традиций.

Важным элементом является образная сфера, связанная с телесностью. Тело представляет собой «образ-действие», жест, находящийся в общем потоке становления.

Степень разработанности проблемы. Философские подходы к осмыслению тела, анализ телесности человека в ценностном ключе, проблемы синтеза тела и мысли рассматриваются в трудах А. Бадью, Ж. Делеза, В. Л. Жарова, Г. Марселя, В. В. Налимова, Ж.-Л. Нанси, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, Г. Л. Тульчинского, Л. Фейербаха, М. Шелера, М. Н. Эпштейна.

Тело и культура: проблемы телесной семантики, особенности телесных образов в контекстах разных культур затронуты в исследованиях С. Азаренко, А. Арто, Р. Барта, М. Бахтина, Ж. Бодрийера,

В. П. Визгина, Л. Горалик, П. Киньяра, И. С. Кона, Г. Крейдлина, Ж. Ле Гоффа, Б. Макнейра, Б. В. Маркова, С. Мельшиор-Бонне, М. Мосса, О. А. Орлова, К. Палья, В. Подороги, П. Слотердайка, Н. Трюона, М. Фуко, А. Ю. Шеманова, Т. Щепаньской, М. Ямпольского, Е. Ярской-Смирновой.

К проблемам телесности в психологическом аспекте (восприятие мира через тело, вопросы эротизма и желания) обращались Ж. Батай, Н. М. Быховская, Е. Газарова, Ф. Гваттари, Ж. Делез, В. П. Зинченко, А. В. Корнеев, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Е. А. Леоненко, В. В. Летуновский, А. Лоуэн, Г. Маркузе, М. Мерло-Понти, В. Никитин, В. Райх, Н. А. Сахарова, Г. В. Тимошенко, П. Д. Тищенко, А. Ш. Тхостов, Е. Улыбина, В. Э. Франкл, Дж. Франкл, З. Фрейд.

Анализ телесных техник в религиозных традициях производится в работах В. В. Розанова, П. Флоренского, В. Э. Франкла, С. С. Хоружего. Подлинная религиозность — это порыв к инобытию, и тело выступает здесь необходимым компонентом. Тело и душа составляют в данном процессе единое динамическое целое. Точнее, здесь выявляется их изначальное единство.

Цель диссертационного исследования: показать, что современная культурная ситуация характеризуется новым противоречием, столкновением «духовного» и «телесного» в человеческом бытии и актуализирует «нечеловеческий» образ человеческой телесности.

Задачи диссертационного исследования:

1. Выявить процесс постепенного перехода от метафизического (отвлеченного) понимания тела к открытию и осознанию его как динамического начала, способного к порождению человеческих «миров».

2. Показать, как изменяются ценностные установки по отношению к телу в различных социо-культурных системах.

3. Поскольку образ телесности является отражением смыслов, актуальных для определенной социо-культурной системы, показать схему общественного развития, с целью проследить возникновение различных категорий телесности в социальных практиках.

4. Рассмотреть специфику телесного образа, характерного для альтернативной культуры и программы выхода «за предел».

5. Показать конфликтность и противоречие ценностных установок современной культуры, приводящих к резкой противоположности телесных образов официальной («гламурной») культуры и культуры альтернативной.

Объект исследования. Образные воплощения концепций телесности.

Предмет исследования. Возникновение и особенности телесных образов современной альтернативной культуры.

Эмпирическая база диссертационной работы. Анализ мировосприятия, отраженного в образах телесности, характерных для определенной эпохи в истории европейской культуры. Это философские идеи, произведения искусства (живопись, современный видео-арт) и литературы.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретической основой работы являются феноменологический, исторический (конкретно-исторический) и сравнительный методы познания.

Научная новизна работы.

1. В работе дается объяснение того, почему в условиях современной культуры оказалось невозможным осуществление образа целостного человека. Напротив, конфликт «души» и «тела» выходит на новый виток и обостряется. Современная общественная идеология, сформированная на основе новоевропейских ценностей жизни (успех, здоровье) находит негативное отражение в культуре альтернативной (или контркультуре), отстаивающей право отвергнуть идеалы жизни, резко снизить их оценку. Причина этого состоит в том, что официальная культура лишает человека возможности принять «свое собственное» тело. Тело как материализация (модификация) индивидуальной души оказывается в маргинальном положении по отношению к телу, сформированному в соответствии с коллективными стереотипами. Поэтому истинное тело находит отражение в образной сфере альтернативной культуры, официально трактуемой как девиантная.

2. Образ телесности как «идеальной оболочки» духа является наследием культуры Средневековья. Но после секуляризации и «расколдовывания» мира он сохраняет только внешний аспект, что и породило современную конфликтную ситуацию: состояние «разорванности» субъекта.

3. В периоды, предшествовавшие современному, указанное противоречие состояло из диады «тело Бога/тело человека», где первый элемент являлся недостижимым образцом для другого.

4. В эпоху постмодерна данное противоречие обретает другое качество: «тело социальное/тело индивидуальное». Именно последний

элемент этой диады можно соотнести с телом Бога, так как теперь тело, осознанное индивидуально служит источником формирования тела пластического, универсального в смысле конкретной телеологии. Иначе говоря, оппозиция переворачивается. Изначально человек придает миру сакральный смысл, следовательно, сакрално и тело. Образ человеческого тела = образ Космоса или Бога. В современных условиях секуляризованного и «расколдованного» мира чувство сакральности субъекта оказывается в бессознательном, поэтому и находит выражение в сфере альтернативной культуры.

5. Кардинальную роль на пути к осознанию тела индивидуального сыграло развитие христианской идеи личного Бога. Понятие личного Бога постепенно трансформирует ментальность европейского человека и выводит на поверхность осмысление телесного аспекта индивидуального бытия.

6. «Тело социальное» можно обозначить как продукт социального и экономического «угнетения». Практики, формирующие такое тело, направлены на «консервацию»: оно имеет множество наростов или «панцирей». «Тело индивидуальное» — тело освобожденное или кенотипическое. Поэтому целостность необходимо должна включать в себя момент разрушения, исхода, истощения (кенозис).

7. Поскольку в массовой культуре телесные образы лишены трансцендентного символического смысла, в альтернативной культуре находит выражение агрессия, которая оказывается обращенной на тело: неприятие тела, разрушение прекрасного человеческого облика с целью обнаружить подлинный смысл.

8. Деструктивные практики себя показывают лиминальность подлинной, «множественной» телесности, ее невозможность быть вписанной в легитимные структуры современной культуры.

9. Современные образы, связанные с маргинальной телесностью, представляют собой символ исчезновения, изживания человеческого тела или его опустошение — кенозис. Тело «множественное» превращается в тело «израсходованное».

10. Маргинальная телесность находит воплощение в образе «современного Орфея», героя, который совершает своеобразное жертвоприношение в поисках «истинного бытия». Тело современного героя-бунтаря можно трактовать как тело Орфея — «орфическое тело», сочетающее необузданную дикость, жадность к бытию со стремлением к полноте внутреннего переживания собственной аутентичности.

11. Современная культурная ситуация требует от субъекта формирования способности к преодолению актуальных условий бытия в пользу возможности создания новой реальности и обретения нового единства, укоренению индивидуальности, «этовости». Страдания, внутренний конфликт, реализуемый на телесном, феноменальном уровне — таково содержание образной сферы в современной альтернативной культуре, которое наблюдается в песенной лирике и визуальном клиповом творчестве.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образ телесности как «идеальной оболочки» духа порождает современную конфликтную ситуацию: состояние «разорванности» субъекта.

2. Целостность человеческого образа должна включать в себя момент разрушения, исхода (кенозис).

3. Современные образы, связанные с маргинальной телесностью представляют собой символ исчезновения человеческого тела или его опустошение — кенозис.

4. В альтернативной культуре находит выражение агрессия, обращенная на тело: разрушение «целостного» образа с целью обнаружить подлинный смысл.

5. Деструктивные практики себя показывают лиминальность подлинной, «множественной» телесности, ее неспособность быть вписанной в легитимные структуры современного общества.

6. Маргинальная телесность находит воплощение в образе «современного Орфея», героя-бунтаря, который совершает жертвоприношение в поисках «истинного бытия».

Практическая значимость: собранные материалы могут быть использованы в вузовских курсах по дисциплинам «Культурология», «Социология», «Социология молодежи».

Апробация материалов исследования. Основные положения работы обсуждались на кафедре культурологи и дизайна УрФУ и на научно-практических конференциях.

Структура и объем диссертации соответствует цели и задачам исследования, состоит из введения, двух глав (шести параграфов), заключения, списка использованной литературы (178 источников). Объем диссертации — 202 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснован выбор и актуальность темы, раскрыта степень её разработанности в научной литературе, определены основные цели и задачи исследования, теоретико-методологическая база диссертации, сформулированы содержащиеся в работе элементы научной новизны и изложены основные положения, выносимые на защиту, дана характеристика научной и практической значимости работы.

Первая глава посвящена анализу концепций телесной опыта, который служит базой для формирования образов телесности. Человеческое тело рассматривается здесь как чувственная реальность, продуцирующая различные типы телесности, которые и становятся основой образной системы определенного культурного периода. При этом «реальность» понимается в лакановском смысле, т. е. она представляет собой исходную возможность для возникновения телесности. Но путь к такому пониманию тела был долгим, т. к. тело первоначально мыслилось как такая материальная модель целостности, которая изоморфна космосу. Основные этапы, проанализированные здесь: Античность, Восток, Средние века и Возрождение, Новое и Новейшее время.

В *первом параграфе* рассматриваются ранние подходы к интерпретации тела, характерные для культур традиционного типа: Древность и Средневековье. Выявляются особенности метафизического понимания тела и постепенный переход к пониманию тела как динамической сущности.

В Античной культуре закладываются основы европейского мышления и миропонимания. Одним из важнейших этапов мышления о теле стало учение древних греков о субстанциях, приведшее к постановке проблемы человеческой души, поскольку различное соотношение элементов говорит о преобладании тех или иных чувств, ощущений и душевных качеств человека. Отсюда — задача создания правильного образа жизни, который видится в соответствии актов человека процессам, происходящим в космосе. Но греческий гилозоизм ставит тело человека в ряд других вещей.

Платоновская философия мыслит тело как воплощение высшей идеи Демиурга, творца космоса. Равновесие души и тела подразумевает соразмерность частей тела, поэтому гимнастика у Платона

представляется способом уподобить человеческое тело космосу. Образ мира, построенный Платоном, противостоит тому, что еще раньше читалось в идеях Гераклита. Мысль о том, что «все течет, как ручей» ставит под сомнение непреложность мировой стабильности. Невозможно понять и уловить само бытие, вернуться к какой-либо его точке. А значит, невозможно «построить» и человеческое тело, которое вплетено в ткань вечнотекущего бытия. Но долгие века именно философия Платона оказывала кардинальное влияние на формирование картин мира. Дальнейшее развитие идей Платона содержало корни тоталитарных воззрений на человеческую природу, что сказалось и в социальном плане. Дуализм и идеализм привели к асимметричной трактовке материального и духовного компонентов человеческой личности. «Перверсивность» человеческой природы, указание на которую содержится в «Физике» Аристотеля, оказалась исключенной из идеи целостного человека.

Однако в поздней Античности идеализму Платона противостоит учение стоиков о пневме. Пневма, как смешение воздуха и огня, представляет собой и физическое, и духовное начало. Дух, оживляющий любое тело, не может быть пуст. Он материален. Высшее напряжение пневмы свойственно наиболее одухотворенному человеку. Поэтому телесная структура человеческого существа оказывается выражением состояния духа. Кроме того, здесь мы имеем идею о некоем подобии телесного «двойника». Этот двойник, исходя из выше сказанного, соответствует понятию «телесность», ведь тело мертвое, «просто материя» в античной концепции мира не обладает никакой ценностью.

Человеческое тело в Античном мировоззрении предстает как часть материального мира, одушевленная, но главное — осмысленная, что является свидетельством соединения в человеке двух начал: животного и Божественного. Потому и трактуется как микрокосмическая сущность, в отличие от тел животных. Представление о человеческом теле как вместилище сокрытого образа Божества окажется фундаментальным для европейской культуры.

Широкое осмысление идеи о телесности опыта, где тело и душа предстают, что необходимо, в неразрывной целостности, можно наблюдать в алхимических эзотерических учениях поздней Античности и раннего христианства. Соединение хлеба (материя) и вина (дух) в христианской мессе говорит о единстве природы Христа (Богоче-

ловека) и единства человеческой природы вообще. Преображение человека и приобщение его к вселенскому опыту жертвоприношения может произойти, только если данное действие охватывает человека полностью: как телесно-духовное существо.

В христианской трактовке «перверсия» — это уже не стохастика материального мира, а человеческая воля, способность отвлечься от воли Божественной, следуя «привычкам плоти» (Августин). Но есть допустимое, а точнее, необходимое желание — постичь красоту Бога. Тело должно быть подчинено духовному (разумному) началу. Однако, вместе с чувственностью здесь отвергается и возможность выявления (познания) индивидуальности, «тела индивидуального» собственно телесности как материального носителя человеческой личности. Идеал — «тоталитарный габитус». Августин ясно говорит о противоречивости и изменчивости, в которую ввергается человек через посредство чувственной природы.

Вместе с тем, пристальное внимание к плотскому началу, ведет к тому, что тело, именно как тело «перверсивное», «неправильное», красота «извращенная» входит в Картину Мира на полных правах, утверждается в ней. Это обновленное представление о Космосе подвигло И. Дунса Скота поставить категорию Божественного волеизъявления выше канонов разумности творения. Если свобода воли, пусть даже божественной, ценится больше, чем порядок, оценка разнообразия, изменчивости также изменяется в их пользу. Здесь проявлена прямая оппозиция Августину. Выделение Д. Скотом категории Этовости, «индивидуальной целостности» закладывает основы для дальнейшего постепенного выхода (на протяжении эпохи Возрождения и Нового времени) от понятия тела к понятию телесности. Тело должно было вырваться из объятий метафизического идеализированного Космоса в забытый гераклитовский «текучий» Космос, в Физику с ее непредсказуемой процессуальностью.

Во втором параграфе прослеживаются новейшие концепции тела, в которых открыто «феноменальное тело» и собственно «телесность». Кардинально новый этап в интерпретациях тела становится возможным в период революций, когда борьба за права и свободы для широких слоев населения сопровождается поворотом философии в область антропологии. Кроме того, здесь трансформируется понятие субъекта: из субстанциональной целостности он превращается в «субъект познания».

Л. Фейербах раскрывал сущность реального чувственного человеческого бытия с помощью анализа христианской символики. Для него образы христианской религии являются выражением утверждения человека как *живого* существа.

Преодоление метафизического и идеалистического мышления начинается в «философии жизни» Фридрихом Ницше. Здесь подвергается критике главная установка идеализма — противопоставление духовного (творящего) и материального (подвергающегося воздействию) начал.

Ощущения и их интенсивность — предмет особого внимания для французского мыслителя А. Бергсона, и потому обращение к его открытиям очень важно в данной работе. В акте познания не может быть противопоставления Субъекта и Объекта, поскольку *жизнь*, в представлении Бергсона, постигает саму себя. Очень важно, что, согласно его концепции, любую материю можно уподобить *образу*, ведь материя является лишь тем, чем представляется человеку в каждый отдельный момент. В работе «Материя и память» центральным образом для философа выступает *тело*, поскольку оно доступно познанию субъекта двояко: извне по восприятиям и изнутри по чувствованиям.

Смысл человеческого бытия конструируется только во взаимодействии человека с миром. Для развития этой посылки следует обратиться к идеям М. Мерло-Понти, исследователя в области феноменологии, испытавшего влияние философии экзистенциализма.

Проблема телесной выразительности, а значит, и движения в широком культурологическом плане рассматривается в театральной теории А. Арто. Тело способно выявить метафизическую реальность в физическом плане. Но для этого человек должен обладать единством сознания, которое было утрачено в рационалистической западной цивилизации.

Рассматривать проблему бытия человека нельзя, не обратившись к понятиям Эроса и эротичности. Особенно когда речь идет о телесности. Эрос (Эрот) — древнейшая мифологема, в которой воплощался принцип динамизма творящей природной стихии. Идея Эроса гораздо шире сексуальной функции. У Батая, осмыслившего феномен эротизма на примерах культурных памятников, Эрос (эротическое слияние, экстаз) выступает в смысле модуса бытия «суверенного» индивида, ибо «суверенность» достигается вне рамок социальных ограничений.

Различное отношение к сексуальной жизни, и, следовательно, к своему телу, способствует формированию разнообразных типов телесности. Позднее Маркузе будет настаивать на том факте, что сексуальность человека *перверсивна* по своей сути, т. е. кардинально пересмотрит понятие об извращении. Перверсия — естественное состояние потому, что Эрос многолик.

Индивидуальное «желающее» тело как потенциал для возникновения разнообразных модусов бытия является предметом подробного анализа Ж. Делеза и Ф. Гваттари в работе «Капитализм и шизофрения». Особенно важно, что рассмотрение проводится с учетом социального и культурного аспектов бытия. При помощи метода шизоанализа авторы интерпретируют поведение субъекта, отвергающего нормативные каноны общества. Такое поведение, названное «шизоидным», ставит целью свободное разворачивание «производящего желания» индивида. Социальность мыслится в шизоанализе как «перманентная процессуальность», которая обусловлена постоянным воспроизводством желания. А субъект характеризуется спонтанной и самодостаточной креативностью. Иначе он вообще невозможен. Субъективность (Я) самоорганизуется также благодаря непрерывному воспроизводству желания. Тело Без Органов (ТБО) — важнейшее понятие, введенное Делезом и Гваттари. С помощью него они объясняют сущность спонтанной креативности субъекта. Говоря точнее, нет субъекта без ТБО, преодолевающего стабильность организма как системы.

Дальнейшее развитие постмодернистской мысли о теле — философия Ж.-Л. Нанси. Его «Согрус» — собрание, размышление о множестве аспектов тела, главным образом — об отношении тела к «смыслу». В человеческом сознании мир предстает как *мир тел*. «Согрус» — здесь мир, т. к. мир — мир тел. Но тут, как замечает автор, и возникают сомнения в *достоверности*. Стремление обрести достоверность, устойчивое постоянство является следствием хаоса, распада, изменчивости, с которыми мы сталкиваемся, пытаясь понять, что есть тело. Эта проблема существует постольку, поскольку тело — не данность.

Христианская идея вочеловечивания Бога, также затронутая Нанси, очень важна для данного исследования. Поскольку еще выше было установлено, что тело Бога = телу человека, можно сказать, что эта идея оказалась одной из ключевых при раскрытии вопроса

о человеческой телесности. Воплощение происходит в пространстве и времени, а значит, тело содержит в себе возможности развития. Это — главный смысл христианской идеи.

Проблема телесности возникает как проблема взаимопроникновения души человека и окружающего мира, благодаря которому происходит смысловое преобразование всего целостного человеческого существа. Акты восприятия и действия создают новое мыслящее или одухотворенное тело. Так постепенно выводится понятие «телесность». Иначе можно сказать, что телесность определяется нашим отношением к телу.

В третьем параграфе рассматривается функционирование тела в социокультурном пространстве. Применительно к человеческой телесности, обретаемой лишь в обществе, в процессе социализации и индивидуализации, удобно использовать понятие «габитус» («этнос»). Габитус — привычный образ действия и реакции для субъекта или «агента», находящегося в определенной позиции социального поля. Занимаемое положение и диктует агенту стратегии (диспозиции) по отношению к другим субъектам социума в зависимости от позиций, которые они занимают по отношению к нему.

При этом габитус относим как к телу индивидуальному (индивидуальному бытию) — «этовости» (И. Дунс Скот), так и к телу групповому — «чтойности». То есть, по габитусу можно выявить социально-групповую принадлежность субъекта.

Первоначальные позиции, габитусы и стратегии обретаются человечеством на пространстве, сформированном первобытным мироотношением. Это были позиции по отношению к Иному, миру «нечеловеческого», сакрального, от которого первобытное сознание отгораживалось системами различных табу.

Практики оперирования вещами и энергиями формировали и прочие первичные габитусы, никогда не уходившие из реальности социальной истории. Например, жрецам (священнослужителям) предписывался отказ от собственного телесного существа в пользу слияния с надличностным началом или тем, что было обозначено как «чистое» сакральное. Другой ключевой фигурой является фигура неофита — молодого человека, стоящего на пороге «настоящей» жизни, находящегося в ожидании. Габитус неофита, существа, готового для принятия различных таинств и всевозможные «пространства ожидания», которые можно обозначить еще как «инициатические»,

актуальны в любой социо-культурной реальности. В современных обществах статус неопита получил специфическое воплощение в категории населения, обозначаемой понятиями «бунтари», «контркультурные элементы», «альтернативщики». Тело неопита — свободное, раскрепощенное, переходит границу «человеческого» модуса бытия, становясь маргинальным, пограничным телом. Его истощение (кенозис) ведет назад, к неразличимости человеческого и природного. Параллельно представление о «человеческом теле» все более поглощается представлением о теле цивилизованном, «буржуазном».

Во второй главе на конкретных примерах образности прослеживается процесс открытия и осознания человеческого тела. Также соотносятся интенции, характерные для определенного типа культуры с ее образной сферой.

В первом параграфе рассматриваются образы телесности, характерные для культур, предшествовавших Новому времени. Первобытная культура: тело человека как воплощение тела тотемного предка. Образы телесности, характерные для первобытной эпохи выражают принцип первичного, травмирующего соприкосновения с миром. В традиции философской антропологии человек мыслящий понимается как существо, изначально стоящее в оппозиции к окружающему миру. Этот постулат в разных аспектах развивают Х. Плеснер, Э. Ротхакер, А. Гелен, М. Шелер. В отличие от животных, «вписанных в мир», человек ощущает себя находящимся «не на месте» в окружающей его естественной среде, а потому дистанцируется по отношению и к среде, и к собственному телу. Он «вписывает» себя обратно, волевым усилием настраивая и приспособливая собственное тело к изначальной реальности, воспринятой им как агрессивная и травмирующая. Различные табу и ритуалы выявляют эту ситуацию — человек «обставляет» свое бытие в мире. Открытость и незавершенность человеческого существа, отмеченная философской антропологией, влечет за собой незащищенность, которая и обуславливает формирование первичных габитусов. Здесь важна позиция по отношению к сакральным фигурам, идентификация, сообразование себя с ними.

Чтобы понять, что происходит после разрыва со смутной первичной реальностью, удобно использовать теорию Ж. Лакана. Реальности как таковой нет — она тут же перекрывается мыслью-позой, стоит только человеку выпасть из е болезненных объятий. Но имен-

но соприкосновение с ней рождает образ героя-тотема с гибким, пластичным, вписанным в окружающее пространство телом которого идентифицирует себя примитивный человек.

Античное мировоззрение в своей образной сфере дает представление о человеческом теле как образе Космоса=Бога=Мира идей, которому оно должно соответствовать, поскольку высшее благо здесь понимается в смысле сообразования микрокосма с макрокосмом. Признание Всеобщего порядка, диктующего свои законы человеку, требовало воплощения такого порядка и в реальной жизни аристократического сословия. Ж. Лакан, рассуждая в «Этике психоанализа» о проблеме Высшего Блага у Аристотеля, указывает на то, что благо для человека здесь мыслится только как сообразование микрокосма с макрокосмом. Это подразумевает формирование привычек (или овладение телом). Иначе говоря, приведение себя в соответствие со Всеобщей истиной. Античные образы не могут еще давать понимания «тела-события», как сингулярной точки, которая проходится телом субъекта в процессе становления телесности. Только в конце Античной эпохи появляются образы, которые воплощают захваченность живого существа внеразумным принципом Космоса — Судьбой. Эта перемена в мировоззрении связана с философией стоиков, призывавших принять все, что «дает» Космос. Стоиками создано учение о страстях и связанное с ним учение о пневме — космической энергии, пронизывающей конкретное живое тело. Суждение о мире в данном философском направлении обозначается словом «лектон», и оно неотделимо от своего физического носителя — тела (организма). Иначе говоря, человек мыслит своим физическим существом.

Средневековая культура дает образ тела как идеального и совершенного. Но это тело абсолютно нереальное, нечеловеческое, ибо в основе такой концепции тела лежит представление о теле Богочеловека. Образ тела универсального, содержащего в себе все возможности, в том числе возможность апокатастасиса, по сути, маркирует границы реального человеческого тела, понимаемого как плотское и грязное, подлежащее уничтожению. Истинное тело утрачено, оно осталось за пределами имманентного мира. В пространстве человеческого измерения оно может мыслиться только как образ, оболочка из света или тонкой материи. Тело человеческое признается по необходимости, как материал для переработки, но не признается по

своей сути. Телесность здесь только в проекте. Цель, вписанная в эсхатологические ожидания. Это лишь мечта о подлинной телесности, которая прочитывается в концепции тела Богочеловека. Земное же тело частично, ограничено («тело рыцаря», «тело аскета» и т. д.). Тело истинное — это фантазм, которым одержима средневековая культура на всем протяжении своего существования.

Только там, где Божество мыслится в качестве активного становления (Н. Кузанский), возможен выход к пониманию собственно телесности здесь, в имманентном мире. Эта возможность открывается в эпоху Возрождения. Появление такого стилевого направления как маньеризм знаменует начало осознания телесности, но выразимо оно пока только визуальным языком. Телесные образы в маньеризме представляют тело-Событие: человеческое существо возникает здесь как тело, входящее в мир и вписывающееся в него при взаимодействии с мировыми силами. Телесный образ показывает скорее душу, которая формирует материю в тело. Кроме того, маньеризм на фоне своего времени представляет собой скорее альтернативное течение, выводя идеалы искусства и, в частности, телесных форм, за пределы классических, «уравновешенных» образцов.

Во втором параграфе говорится, что, в конце XVI века начинает формироваться дискурс о «теле желающем», проникнутый недоверием к телесно-чувственной природе человека. Это явление знаменует «убийство Эроса» и порождает практику производства «ущербных» тел. «Дискурс нормализации» (М. Фуко) ставит своей целью укрощение тела одержимого (множественного) в пользу воспитания тела по сути своей неэротического, неполноценного.

Фуко показывает, как дискурс признания породил феномен грешной плоти (или даже порочной плоти). Это является результатом «форсированной христианизации». По сравнению с эпохой Возрождения, здесь христианство предстает в своем ущербном, одностороннем варианте, что повлечет за собой различные кризисные явления в европейской культуре вплоть до настоящего времени. Но пока длится XVII век, особую важность будет представлять фигура одержимой. Появление феномена одержимости является закономерностью, потому что именно одержимость символизирует дуальность человеческих устремлений. Тело одержимой (а склонны к этому главным образом женщины) есть воплощение конфликта различных сил, во власти которых может находиться человек. Присутствие конфликта

очень важно: тело предстает здесь как тело множественное, имеющее неограниченное число модусов.

Телесная человеческая природа, желания, стремление к наслаждению — все это неминуемо предрасполагает индивида к самоуничтожению и гибели. Христианская проблема «плоти» (желаний, фантазий) сужается и превращается в проблему тела, которую можно решить при помощи ряда чисто «материальных мер». Способность к воображению, которую исследует известный медик XIX века Каан, воплощает доступную лишь человеку свободу от природной необходимости. Но эта свобода и открывает путь «ненормальности». В дальнейшем человеческое тело начинают использовать для того, что бы лишить человека свободы. Иначе говоря, здесь уже не остается места представлениям о теле «идеальном», универсальном, какие мы находим в Средние века. Тело «расколдовано» как и весь остальной мир. Оно должно стать безопасным и полезным для общества, а потому должно становиться «ущербным». Множественность его репрессируется в пользу нужной направленности. «Дискурс нормализации» будет определять социальную политику в отношении тела на протяжении XIX и первой половины XX веков.

Третий параграф посвящен образной сфере эпохи, начавшейся после середины XX века. Бунтари современного мира, создатели альтернативной культуры ставят под вопрос существующие ценности, «старые» ценности «отцов». Это жизненные ориентиры, навязанные «буржуазными» идеалами. Проще говоря — политики потребления и конформизма. Таким образом, бунтующие следуют известной со времен Ницше нигилистической установке: можно сказать, что они отвергают не только принципы, на которых строится привычное для большинства бытие, но само человеческое «бытие» в их глазах «устарело», обесценилось. Необходимо найти новое «бытие», но сделать это возможно только за гранью дозволенного и «нормального».

Как и Ф. Ницше, молодежь эпохи постмодерна будет искать спасения в забытом и отвергнутом «старом»: для первого идеал — доократическая Греция и Древний Восток, для вторых — уход в «первобытность», индейский шаманизм, травы, психоделическая музыка.

Любая ценность реализуется только в видимом образе. Невозможно иметь ценности, не представляя, как они «выглядят». Иначе говоря — без образа, числа и меры. Ценностная установка — это «точка зрения» на мир. Воплотить идею в образе, значит, создать

представление о том, к чему стремятся. «Точка зрения, взгляд-на, кругозор — все это подразумевает здесь зрение и видение в том смысле, в каком предопределено оно было греками, но только прошло весь путь преобразования идеи от эйдоса до perceptio. Смотрение — это такое представление, которое, начиная с Лейбница, более явно схватывается как стремление (appetitus)». Представление становится стремлением. Новому стремлению соответствует образ «номада», бродяги, который берет путь от лирического героя А. Рембо. А также тело — маргинальное, лиминальное, пересекающее все возможные пространства и границы.

«Мир как рождающее само себя творение искусства» — пишет Ф. Ницше в «Воле к власти». Значит, и жизненный процесс, история жизни субъекта представляет собой творение искусства, в котором нет места никакой «божественной предопределенности». Бытие сущего (субъекта) определяется как воля благодаря переоценке ценностей, создавшей новую метафизику или метафизику субъектности. Поэтому, анализируя философию Ницше, М. Хайдеггер определяет способ бытия субъекта в Новое время как ре-презентацию (представление самого себя).

Также новый человек не может поставить себя на место Бога — ему предназначено его собственное место, возможность обретения которого зависит от наличия жизненных сил. «Место» обусловлено «иным бытием сущего» — субъективностью. Мир выступает как предмет, на который направлены действия субъекта. Определенные идеи означают придание смысла собственному бытию. Тогда и начинается поиск границ гуманитарного.

Верховные ценности, названные М. Хайдеггером (цель, единство, бытие) не безусловны, не могут иметь значения сами по себе. То есть они обретают смысл лишь в соотношении с конкретным способом воли к власти. Например, мое ТБО — это мое неповторимое единство, мой модус бытия. Здесь и видится проблема границ гуманитарного, конфликт современной культуры, когда заново поставлен вопрос о человеке и его бытии. Утрата «человеческого» как прежнего человеческого — условие роста и изменения.

Современная культура западной цивилизации являет собрание человеческих типов, каждый из которых формируется на основе своих представлений об идеале и универсальности. То есть, они сообразованы с идеями об «истинности» бытия, характерными для данных

субъектов. Очень важно, что в философии Ф. Ницше, оказавшей огромное влияние на формирование современной западной культуры, истина, по сути, и есть тело. Ведь именно тело является собой источник индивидуальной воли. В современной культуре контркультура или альтернативная культура является противостоянием истине в ее метафизическом смысле, «Праведностей» — репрезентантов жизни множество. Здесь должен осуществляться выбор. Контркультура — это другая истина, а не ложность.

Здесь происходит трансформация сознания и телесности в их единстве, человек предстает как сущее становящееся. Это также условия пластичности телесной и ментальной.

В новейшей культуре Запада или в контркультуре актуальным становится и особенный способ взаимодействия между людьми. Это взаимодействие представляет собой связь непосредственную, эмоциональную и чувственную, свободную от прагматических интересов. Раскрыть суть такой связи можно при помощи философского понятия «касание», введенного М. Мерло-Понти. Неосознаваемые нами прошлые касания создают в нашем восприятии пространство, наполненное телами и их взаимопроникновениями. Благодаря опыту жизни возникает индивидуальная способность к касанию, а значит, и чувственный образ мира.

Для контркультуры, родившейся в середине XX века, характерно такое явление как непосредственное сопереживание, основанное на чувствах и эмоциях, испытываемых во время коллективных действий. Например, концерт рок-музыки в стиле «кислотных» трипов, когда бесконечная импровизация вводит публику в психоделический транс, подчиняет единому ритму. Это одна из тех ситуаций, которые способствуют возникновению особой «плоти мира». Образующие ее участники связаны единым способом «касания».

В наше время можно найти множество примеров того, как разрушаются традиционные европейские установки по отношению к пониманию сущности человека и его назначения. Такая тенденция особенно ярко обозначилась в 1960-е годы, которые вошли в историю как эпоха бунта против «буржуазной» морали. В это же время происходит зарождение новейших стилей музыки, причем бунт и музыкальная культура оказались тесно связанными. Музыка обладает сильным эмоциональным воздействием, меняющим привычное восприятие мира. Возникновение новых форм познания и новой

телесности за последние сорок лет обусловлены событиями именно в сфере музыкальной культуры. Психоделия, бесконечные импровизации (джемование) выявляют ценность не столько результата действия, происходящего на сцене, но самого процесса, длительности особенного эмоционального и телесного состояния. Можно сказать, участники действия, как музыканты, так и слушатели, совершают здесь погружение в первичный принцип Сверх-Оно, описанный Г. Маркузе. Идеи времен хиппи зовут к преодолению жесткой упорядоченности мира, к «эротическому» слиянию с ним.

Человеческий мир, принимающий «нечеловеческий» облик, воссоздается заново каждый раз, в каждом из актов преобразования, поток которых стремится увеличить деятель, выходя к пределам еще неиспытанным.

Однако реализовать это направление в действительности невозможно. Подобный процесс — чисто внутреннее явление, цель его достижима лишь в индивидуальном пространстве. Никто не в силах здесь подарить исцеление другому. Эта проблема освещается в фантазмагорическом мюзикле К. Рассела «Томми» («Tommy»), который был снят в 1975 году на основе психоделического альбома культовой группы «The Who».

В XX веке космос утратил человеческое соизмерение, что является результатом изменения картины мира под влиянием теории Эйнштейна. Возможно, стремление заново вписаться в мир, присвоить его ведет к противоположному — к размыванию того «человеческого» что создавалось европейской культурой на протяжении веков, начиная с греков. К «истечению» тела в необъятную вселенную, состоящую из противоборства различных сил. Проекция тела в хаотический, утративший телесность космос. С другой стороны, здесь виден конфликт человеческого существа с подобным положением вещей, стремление порвать с этим вновь родившимся архаическим тождеством и обрести новую целостность.

Если рассматривать не клипы, а концертные представления, то можно сказать, что тело само по себе служит воплощением действия, которое должно быть исчерпано до конца. Смысл подобного акта — кенозис (самоуничтожение) и часто его символизирует разбиваемая в конце гитара. Это гитара — своеобразный «двойник» тела, энергия которого исчерпана. Но, кроме того, акт кенозиса возвращает здесь человеческому образу подобие образа Божественного. «Живые» кон-

церы особенно ценятся потому, что обладают элементом неповторимости, а публика переживает здесь мистический экстаз.

Другую сторону современной постмодернистской телесности выражает акцент на «монструозности». Источники подобной образности — древнейшие ритуальные праздники: Сатурналии, карнавалы и т. д. С точки зрения психоанализа карнавальная или смеховая культура трактуется как снятие страха за реализацию инстинктов Оно.

Но в последние десять-пятнадцать лет это становится недостаточным. Теперь необходимо показать истинное лицо человека, скрытое за лицемерной благообразной маской. Страсти, разрушительные желания — все это естественные свойства человека, его Иное, скрытое глубоко внутри. Мэрлин Менсон, Дэни Филт и многие другие стремятся показать, насколько тонкой и ненадежной является на самом деле грань, отделяющая «человеческое» и «животное», Свое и Иное.

Готика, doom- и death-metal как более поздние явления в рок- и альтернативной культуре демонстрируют фиксацию на пессимизме. Музыкой, текстами и видеоклипами здесь создается виртуальное пространство смерти, конечности, страдания. Подлинное освобождение от мира, пораженного «чумой» возможно лишь при самоуглубленности, замкнутости в сфере личных переживаний. Это символическое пространство переживания может выражать также отказ от безудержного расширения потребностей. Альтернативная культура взамен этого создает возможность для перехода в иной модус бытия, в котором воплощается ценность душевного страдания и боли. Это уже не существование под «покровом знаков», но именно реальное бытие.

Очень важно то, что телесные образы в данном исследовании нельзя толковать в отрыве от «фона», на котором разворачивается действие этих тел. Визуальный ряд, в который они поставлены, не просто обстановка, но это — тело «продолженное», в своем роде органопроекция. Образ отеля, анонимного пространства современной культуры, активно используется и в других примерах видеоарта. Начало этому положил Алан Паркер в культовом фильме «Стена. Пинк Флойд».

Альтернативная культура нацелена на «абсолютное восприятие». То есть, восприятие, не ограниченное целями рационального познания, способное к открытию «новой» реальности. Такой тип восприя-

тия означает способность воспринимающего субъекта при оценке объекта выйти за рамки свойств этого объекта, положенных мышлением. Это восприятие осязающее, интуитивное, предполагающее множество аспектов мира, неподвластных рациональному объяснению, а значит, выведенных за рамки официальной культуры.

Человек выступает здесь как сущее желающее, а желание способствует творению нового бытия. Проблема границ человеческого и Нечто, существующего (или не существующего) за пределами конечного человеческого бытия, ставит вопрос о смысле и бессмысленности жизни, об образе человеческого существа на фоне нового мира, где все большую силу приобретают стереотипы массовой культуры. Множество субкультур, особенно те, которые вписываются в понятие альтернативных, представляют собой нетрадиционные интерпретации смысла жизни. Идея «спасения» в период упадка христианской доктрины выводится из самого субъекта: залог спасения — утверждение самости, раскрытие индивидуального жизненного потенциала. Если распоряжение сущим как предстоящим человеку составляет смысл европейской культуры, начиная с Нового времени, то это означает, что человек и сам является для себя предметом. Желание испытать и расширить до предела свой жизненный потенциал лежит в основании альтернативной культуры. Этими представлениями создана и специфика телесной образности альтернативной культуры. Тело «изживается», распадается как последний предел, лежащий на пути к выходу из актуального бытия в пользу бытия возможного. Такое тело можно охарактеризовать как «орфическое» — принесенное в жертву.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги, формулируются основные выводы и определяются дальнейшие перспективы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикация журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Зорина, Л. В. Развитие социологических представлений о теле [Текст] / Л. В. Зорина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 5. С. 264-269 (0,4 п. л.).
2. Зорина, Л. В. Телесное и духовное в аспекте античного мировоззрения [Текст] / Л. В. Зорина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 8. С. 96-99 (0,5 п. л.).
3. Зорина, Л. В. Концепция идеального тела [Текст] / Л. В. Зорина // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 42-48 // [Электронный ресурс: [http:// hses — online.ru/ Actual. Html](http://hses—online.ru/Actual.html)] (0,6 п. л.).
4. Зорина, Л. В. Человеческая телесность: исторический контекст и актуальные проблемы современности [Текст] / Л. В. Зорина // Дискуссия. 2012. № 1. С. 15-19 (0,6 п. л.).

Другие публикации:

5. Зорина, Л. В. Проблема телесности в контексте современной альтернативной культуры [Текст] / Л. В. Зорина // Молодой ученый. 2011. № 12. С. 189-191 (0,5 п. л.).
6. Зорина, Л. В. Телесность как предмет социологического анализа [Текст] / Л. В. Зорина // Актуальные проблемы социологии и менеджмента. Материалы Всероссийской конференции «15 Уральские социологические чтения». — Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. С. 44-46 (0,1 п. л.).
7. Зорина, Л. В. Власть архетипических мотивов в повседневных образах телесности [Текст] / Л. В. Зорина // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции Гуманитарного Университета. 30-31 марта 2006. Т 1. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, С. 204-207 (0,25 п. л.).
8. Зорина, Л. В. Образы любви и смерти в современном видеоарте: эмпирическая репрезентация границ гуманитарного [Текст] / Л. В. Зорина // Гуманитарное образование в современном российском вузе. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию факультета гуманитарного образования УГТУ-УПИ. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. С. 91-93 (0,1 п. л.).

9. Зорина, Л. В. Реабилитация человеческого тела в европейской культуре XX века [Текст] / Л. В. Зорина // Научные труды 10 отчетной научной конференции молодых ученых УГТУ-УПИ. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. Ч. 3. С. 227-231 (0,25 п. л.).

10. Зорина, Л. В. Тело-Фетиш в логике различия [Текст] / Л. В. Зорина // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 2. Материалы XI международной конференции. Екатеринбург: Минитиполаборатория факультета политологии и социологии УрГУ, 2008. С. 75-77 (0,1 п. л.).

11. Зорина, Л. В. Тело и эмоции в контексте современной культуры [Текст] / Л. В. Зорина // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 2. Материалы XI международной конференции. — Екатеринбург: Минитиполаборатория факультета политологии и социологии УрГУ, 2008. С. 77-79 (0,1 п. л.).

12. Зорина, Л. В. Знаковый аспект телесности и фетишизм [Текст] / Л. В. Зорина // Культурное наследие и перспективы социо-культурного развития России. Культура повседневности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2010. С. 153-156 (0,1 п. л.).

Подписано в печать 22.05.2013. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч. изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 380.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru